

УДК 81.42
doi 10.17072/2073-6681-2020-1-34-44

ДИСКУРСИВНЫЕ «ЛОВУШКИ», ИЛИ ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ РЕЧЕВЕДЕНИЯ

Мария Павловна Котюрова

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. kotyurova@yandex.ru

SPIN-код: 1625-0504

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5418-726X>

ResearcherID: N-9344-2017

Статья поступила в редакцию 19.11.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Котюрова М. П. Дискурсивные «ловушки», или прописные истины речеvedения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 34–44. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-34-44

Please cite this article in English as:

Kotyurova M. P. Diskursivnye «lovushki», ili propisnye istiny rechevedeniya [Discourse ‘Traps’ or Truisms of Stylistics]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 34–44. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-34-44 (In Russ.)

Рассматриваются условия продуктивного исследования в области стилистики научного текста, которые по существу можно считать прописными истинами для молодого ученого. Это прежде всего *интерес* к научному мышлению как психологический фактор процесса успешного познания; роль интереса подчеркивается в данной статье при обращении к дискурсивному окружению исследования. Особый акцент сделан на представлении о содержании текста – научном знании, понимаемом как *эпистемическая* (научно-познавательная) *ситуация*, охватывающая онтологическую сущность изучаемого фрагмента действительности (знание *о чем?*), методологический аспект полученного результата (*как* получено?), аксиологическую сторону знания в плане его актуальности, достоверности, перспективности в более широком эпистемическом контексте. Терминированное понятие эпистемической ситуации используется в значении ‘*модель*’ в двух случаях: 1) в отношении целостного научного знания, 2) в отношении актуализированного (выдвинутого) в тексте научного знания. Значимость методологического аспекта эпистемической ситуации связана прежде всего с общим подходом к предмету исследования – в данном случае *когнитивно-дискурсивно-стилистическим* подходом к научному тексту. Онтологическая сущность эпистемической ситуации представлена в научном тексте совокупностью терминированных понятий – исходных, основных и уточняющих. Применение исходных и уточняющих, а также развитие основных понятий в тексте формирует *информативную* плотность текста. Аксиологическая сторона в статье представлена рассуждением о *мягком подходе к оценке* эпистемической ситуации, эксплицируемой посредством текста. Данный подход предполагает совмещение узкого и широкого взгляда на формирование и восприятие текста.

Ключевые слова: научный текст; познавательный интерес; когнитивно-дискурсивно-стилистический подход к изучению текста; эпистемическая ситуация как единица смысловой структуры текста; мягкая оценка содержания научного текста.

Прописная истина – всем известная, шаблонная, тривиальная мысль.
(Ожегов С. И. *Словарь русского языка*)

1. Контур дискурса темы данной работы. «Листаю» страницы в Интернете... Вдруг: «Аверинцев С. С. Похвальное слово филологии». Журнал «Юность», 1969 год! Вспыхнуло воспо-

минание: не утихает дискуссия о физиках и лириках, доходящая до бурной полемики в аудиториях, актовых залах, в общежитиях, на кухнях. А разговоры о науке... Как поднимают дух слова С. С. Аверинцева: «...дело идет о некоем подобии того, что Спиноза называл “интеллектуальной любовью”... Но разве математикой или фи-

зикой можно заниматься без “интеллектуальной любви”, очень часто перерастающей в подлинную всепоглощающую страсть?! Было бы нелепо вообразить, будто математик меньше любит число, чем филолог – слово [продолжая эту мысль, уточню: чем специалист по функциональной стилистике – «живую» жизнь слова], или, лучше сказать, будто число требует меньшей любви, нежели слово. Не меньшей, но существенно иной» [Аверинцев 1969: 99].

При чем тут современные молодые ученые? Да при том, что им по-прежнему отвечать на вопрос о значимости гуманитарнейшей науки – филологии. Нам-то, преподавателям выпускающих кафедр филологических факультетов, ответ давно ясен. Однако лишь в самом общем виде. Бесспорно, нужны и естественные, и гуманитарные науки. Более того, и те и другие пребывают в постоянном развитии. В каждом случае сложность заключена в конкретике. Например, естественные науки являются точными, математически аргументирующими те или иные положения. Но ведь и филология – точная наука; с одной стороны, ее точность также может быть измерена математически.

Вот пример. Как удивительно было, получив в 1972 г. очередную монографию М. Н. Кожиной, узнать, что «каждый речевой функциональный стиль обладает достаточным единством и четкими *стило-статистическими* параметрами, обнаруживающимися, очевидно (одного вводного слова достаточно автору, чтобы зафиксировать и прогностичность, и гипотетичность, и деликатность мысли! – М. К.), на всех языковых уровнях» [Кожина 1972: 351]. В этом исследовании применена стило-статистическая методика анализа лексико-грамматического материала, проверена эффективность стило-статистического «метода срезов», позволившего установить ряд общих закономерностей функционирования языковых средств в речевых разновидностях. Действительно: с целым рядом статистических таблиц, представленных в книге, не поспоришь! Но с другой-то стороны... Не случайно в этой же книге приведены слова акад. В. В. Виноградова: «Стилистика является своего рода вершиной исследования языка, теоретической основой развития национальной речевой культуры» [Виноградов 1969: 5–6]. Теперь уже общеизвестно, что точность филологии (в частности, функциональной стилистики) имеет и другую познавательную природу. Какую? Качественно иную. «В функциональной стилистике **всё** следует рассматривать под “функциональным углом зрения”» [Кожина 1966: 11]. Это как? Каким образом? Уточним...

Прежде всего неизбежно обращение к дискурсивному окружению научного текста. В связи

с этим важно учитывать воздействующие на современный научно-речевой дискурс изменения, представленные такими *тенденциями*, как: *научно-социальные* – расширение эпистемического пространства по конвейерному типу, информационный бум, девальвация и не востребованность научного знания; *когнитивные* – «сдвиг» в сторону дедуктивного пути познания и стремление к абстрактизации научного содержания, снижение уровня критичности мышления ученого, актуализация обыденного сознания и др.; собственно *лингвистические* – отступление от традиционных стилевых норм и др. Внимание к названным тенденциям будет способствовать достижению стратегической цели – осознанному владению культурой письменной научной речи.

Дискурсивное окружение продуктивной научно-исследовательской работы молодого ученого включает обширный комплекс условий, которые по существу можно считать прописными истинами. В данной статье остановимся лишь на психологических моментах, связанных с выбором (общего) научно-познавательного пути и соблюдением основного принципа любой деятельности – последовательности, а также обратим внимание на мягкий, некатегоричный характер оценки знания, развертываемого в тексте. Наша задача обусловлена пониманием текста как единицы общения, предназначенной для передачи относительно завершенного замысла в письменной форме. Эта единица общения многомерна, поэтому ее изучение, причем даже только в собственно лингвистическом отношении, многоаспектно, разнонаправленно. В связи с этим даже к ближайшему фоновому знанию относятся те или иные положения из других, прежде всего смежных, областей науки. Для начала обратим внимание на психологический компонент коммуникации автора и читателя.

На первый взгляд психология восприятия текста / научной мысли очень проста: читатель руководствуется параметром *понятно – принимаю*, а *непонятно – не принимаю* или даже кардинально оценочным *правильно – неправильно*. Особенно ярко такая психологическая особенность проявляется при восприятии нового, в то время как восприятие нового научного знания является, как известно, весьма сложным, отнюдь не однозначным интеллектуальным процессом. В типичном случае при восприятии текста открытие читателем нового, неизвестного, неизведанного сопровождается сначала сомнением, мучительным непониманием, скепсисом, затем чьим-нибудь «прозрением», открывающим путь к всеобщему принятию и признанию в качестве общеизвестного, тривиального. При этом автору необходимо терпение, даже самообладание, чтобы защи-

тить прежде всего «росток» (суть) рассматриваемой проблемы, не распыляя энергию поиска на обсуждение периферийных, частных вопросов и ни в коем случае не «сбиваясь» на апелляцию к личности оппонента.

2. Методологическая установка. Мы вынуждены признать, что методологической динамике дальнейших рассуждений о научном тексте присущи разноплановость и неполнота, субъективность (потому неубедительность для читателя), а формулируемые положения нередко имеют «ломкий», негармоничный характер. Все это обусловлено тем, что автор научного текста призван зафиксировать полученное знание и как мысль-продукт, и как мысль-процесс, т. е. универсальное и вместе с тем уникальное явление коммуникативно-познавательной деятельности с присущими ему свойствами мышления – прежде всего аналитико-синтезирующего, креативного, критического, конструктивно-оценочного.

Цель статьи – привлечь внимание читателя к стилистике научной речи. Хотя легко представить такой диалог:

– Даже просто читать любые учебники – это трудно, скучно, неинтересно, а изучать – тем более! Я вообще не люблю математику, физику, химию...

– Ну что вы... Стилистика научной речи – это наука о «жизни языка», связанной с познанием действительности, «муками творчества», радостью открытий... и желанием поделиться этой радостью с читателями.

Специальная цель – связать трудности, с которыми сталкивается *каждый* молодой исследователь (психологические, коммуникативно-познавательные и культурно-речевые), в единый дискурсивный блок и наметить пути их преодоления. Представляется, что для этого целесообразно дать ознакомительную характеристику специфической научно-познавательной деятельности, ориентируя читателя на «объемное понимание» текста, учитывающее его дискурсивное окружение. Будем иметь в виду наиболее лаконичное определение дискурса как текста, погруженного в жизнь (Е. С. Кубрякова). Именно объемное понимание научного текста предопределяет *подход* к изучаемому предмету, известный в современной функциональной стилистике как *дискурсивно-стилистический* [Баженова 2005; Котюрова 2008] или *когнитивно-дискурсивно-стилистический* [Котюрова 2005, 2011]. Такой подход явился необходимым и достаточным при изучении целого научного текста, представляющего собой «неповторимое коммуникативное событие» [Гайда 2010: 93].

Номинация подхода акцентирует внимание на понятиях, разрабатываемых целым комплексом

наук. Назовем основные: понятие о сознании (автора текста) – психологией мышления, понятие о дискурсе – речеведением, дискурсологией, понятие о научном функциональном стиле – стилистикой. Когнитивно-дискурсивно-стилистический подход к изучению научного текста синтезирует разноплановые, можно сказать, разнонаправленные векторы формирования представлений о тексте в эпистемическом пространстве. Дискурсивный анализ предполагает гибкость, пластичность учета **любых** факторов (не только сильнодействующих стилиеобразующих) – в зависимости от воли и установки исследователя. И это открывает широкие возможности – констатирующие и интерпретационные, объяснительные. Общая установка названного подхода – единство собственно лингвистической и экстралингвистической сторон текста, обеспечивающее его адекватное изучение в пределах речеведения. Вместе с тем открывается возможность дифференцированного анализа каждой из этих сторон (отсюда лингвистика текста, грамматика текста, стилистика текста, стилистика научного текста, стилистика газетного текста, медиастилистика и др.); пристальное внимание к субъектным экстралингвистическим факторам (идиостилистика, адресантная и адресатная стилистика, стилистика кодирования и декодирования, интенциональная стилистика и др.).

Мы исходим из того, что **онтологический** компонент эпистемической ситуации связан с предметным содержанием знания, т. е. научным осмыслением явлений реального мира (природы, человека и общества). Предметное содержание выражается комплексом терминированных понятий «исходные – основные – уточняющие», совокупность которых представляет собой элементарную «анатомическую структуру» познавательной ситуации. Исходные понятия не определяются в конкретном тексте, они очерчивают «видимый горизонт, в пределах которого возникает вещь (основное понятие. –М. К.), которая нас занимает» [Ортега-и-Гассет 1996: 159]. Для порождения текста требуется изучение «родословной» основного терминированного понятия в связке с исходными и уточняющими понятиями. На фоне исходных можно развить основные понятия посредством уточняющих и тем самым внести вклад в теоретическое дисциплинарное знание. В сжатой форме совокупность исходного (**полужирным** шрифтом), основного (прямой линией) и уточняющего (*курсивом*) понятий обычно зафиксирована в заголовках. Например: Интервью как *эго-жанр: ориентиры человека культуры*; Оценка как конституирующий **компонент конфликтной коммуникации**; Аксиологические презумпции русского обыденного метаязыкового сознания и др.

В заголовках содержание выражено концентрированно, уплотненно, и в них легко увидеть познавательную структуру исследования. Попутно отметим: благодаря прозрачности структуры можно говорить об информативной плотности либо рыхлости текста. Научному тексту присуща свернутость преимущественно информативно-логических отношений, иначе говоря, информативно-логическая плотность, тяготеющая к образованию особых номинаций, получивших название композитивных. Композитивные номинации предоставляют автору возможность конкретизировать основное понятие, передать оттенки семантических признаков посредством согласованных и несогласованных, однородных и неоднородных определений. Так, в композитивной номинации *русское обыденное метаязыковое сознание* все конкретизаторы направлены на определенное понятие. Обычно информативная плотность текста усиливается при выражении эпистемической информации, а именно в заголовках (оглавлении), при введении проблемы, гипотезы, определении понятия, в частном и общем выводах и других фрагментах текста.

Методологический компонент характеризует познавательную деятельность в отношении способов получения, развития и обоснования научного знания, а также в плане его репрезентации в содержательно-логических формах понятий, категорий, идей, концепций и т. д. Приведем примеры заголовков статей, ориентированных на акцентирование методологического содержания эпистемической ситуации: *Лингвоаксиологический анализ* рекламного дискурса (на материале языка дальневосточного города); Текст как *объект* лингвистического исследования; Оценочность как онтологическое *свойство* художественного текста.

Аксиологический компонент соотносится с оценочной природой познания, субъект которого (ученый) является не только мыслящим человеком, но и человеком оценивающим. При этом оценке подвергается как старое, так и новое знание, получаемое лично автором. Наиболее важными характеристиками знания являются его достоверность, новизна и актуальность – универсальные параметры оценки научной информации. Нельзя не согласиться с утверждением Е. А. Баженовой, что «эти ценностные категории формируют аксиологическое пространство научного текста, конкретизированное в частнооценочных значениях» [Баженова 2019: 13]. Когнитивно-дискурсивно-стилистический подход к тексту предполагает наличие целостного представления о его содержательной структуре, которое можно составить действительно лишь «под

функциональным углом зрения». Необходимость именно целостного представления о содержательной структуре текста обусловлена воздействием целого ряда различных экстралингвистических факторов.

Когнитивно-дискурсивно-стилистический подход синтезирует по существу различные экстралингвистические факторы, оказывающие влияние на создание текста. Какие это факторы? Прежде всего стилеобразующие, значит, сильнодействующие. В современной функциональной стилистике установлено, что основной, базовый, комплекс стилеобразующих факторов составляют формы общественного сознания, соответствующие им виды деятельности и сферы общения [Кожина 1968; Кожина, Дускаева, Салимовский 2008]. Очевидно, что *формы, виды и сферы* – это номинации таких понятий, которые абстрагированы от речевой действительности и соотнесены с весьма высоким уровнем обобщения. Внимание же к реальному тексту позволяет определить другие совокупности экстралингвистических факторов, получившие название дискурсивных факторов, в частности таких, как субъект научно-познавательной деятельности, стиль мышления автора, этапы познавательной деятельности, ее структура, область научного знания и др. [Котьюрова 1988, 2008, 2011, 2012; Котьюрова, Соловьева 2017, 2019]. Важно отметить, что дискурсивные факторы также абстрагированы от речевой действительности, не менее сложны в познавательном отношении. Компонентом *когнитивный* в номинации рассматриваемого подхода мы акцентируем значимость влияния когнитивных характеристик субъекта познавательной деятельности с доминирующим стилем мышления – дискретно-логическим, континуально-психологическим, метафорическим или критическим [Котьюрова, Тихомирова, Соловьева 2011].

Представляется возможным (и необходимым) воспользоваться общеизвестной информацией из науковедения о том, что знание можно рассматривать разнопланово: и с позиций формальной логики (научные понятия, обобщения, концепции, теории, законы), т. е. в плане его результативности, и в динамике, т. е. в процессе его получения. В связи с этим бесспорно, что не может быть одинаково изложено знание, логически структурированное (например, классификация как результат расположения предметов, явлений на одном основании / шкале), и знание, получаемое интуитивно, нередко из фактов, «рассеянных» в познавательном пространстве; знание, полученное либо экспериментально, либо из конфликта концепций; в конце концов, знание эмпирическое и теоретическое. В связи с этим

подчеркнем, что разнообразие, объемность, богатство научного знания обуславливают необходимость мягкого подхода (заметим: не снисходительного!) к оценке научного текста и его содержания. Мягкий подход имеет вполне определенное основание, соотносимое с возникновением как совершенно различных видов знания, так и тесно связанных с первоначальными, пусть и отпочковавшихся от них. Очевидно, что специфика видов знания так или иначе проявляется в тексте.

3. Совокупность терминов в тексте представляет собой ориентир для читателя любого научного произведения. Такая совокупность объединяет исходные, основные и уточняющие терминированные понятия. К **исходным** относим известные адресанту и адресату так называемые фоновые, терминированные понятия, не определяемые в тексте. Несмотря на их по существу периферийный характер, исходные понятия выполняют в тексте важную коммуникативную функцию объединения автора и читателя благодаря формированию общего когнитивного пространства. В данной работе фоновыми как для автора, так и для читателя выступают следующие понятия: *условия* продуктивной исследовательской работы молодого ученого, в состав которых включается *интерес* к научному мышлению как психологический фактор процесса успешного познания; *последовательность* как принцип любой деятельности, в частности текстопорождения; *оценка* нового знания, выраженного в тексте.

В качестве **основного** понятия, т. е. «ростка», оберегаемого нами, культивируемого, уточняемого далее, из обширной стилистической проблематики, связанной со смысловой структурой научного текста, актуализируем понятие «эпистемическая ситуация». Это понятие предложено нами ранее [Котюрова 1988]. Представляется важным подчеркнуть, что оно выдвинуто и введено в оборот в пределах научной школы проф. М. Н. Кожиной, применяется и развивается, т. е. теоретизируется, не только в ряде других наших работ, но и в трудах коллег, в чем проявляется положительное влияние дискурса научной школы.

В понятии «эпистемическая ситуация» обобщен комплекс компонентов научно-познавательной деятельности, выступающий основанием смысловой структуры научного текста. Такое минимальное основание создается взаимодействием трех смысловых «поток», исходящих как от объекта, так и от субъекта познавательной деятельности, – онтологического, методологического и аксиологического. В свою очередь, только дискурсивно-стилистический подход позволил определить, что смысловая структура текста

является важнейшим системным параметром данного неповторимого коммуникативного явления. Смысловая структура выражена поверхностной стороной текста и обуславливает взаимосвязи текстовых единиц. Понятие эпистемической ситуации было конкретизировано Е. А. Баженовой за счет включения коммуникативного аспекта, также оказывающего влияние на формирование научного текста и определяющего его стилистическую специфику [Котюрова, Баженова 2018: 48].

Познавательная оценка, ее роль в получении научного знания пристально, скрупулезно рассмотрена Н. В. Данилевской (2005). Это исследование значительно обогатило понимание термина «эпистемическая ситуация». Важно подчеркнуть, что эпистемическая ситуация – это модель, которая может быть представлена в тексте весьма обобщенно, лаконично, кратко совокупностью номинаций характеристик научного знания. См., например, совокупности номинаций, представленных в заглавиях (онтологическая характеристика выделена **полужирным** шрифтом, методологическая – **полужирным курсивом**, аксиологическая – **светлым курсивом**): **Лингвокультурный концепт как единица исследования**; **Категории научного текста: функционально-стилистический аспект**; **Философские основы теории индивидуальности человека**). В основном тексте совокупности номинаций фиксируют ту или иную эпистемическую ситуацию полно, развернуто, преимущественно в обобщающих частях текста, а именно в выводах и заключении, а также в аннотации, концентрированно представляющей основные положения исследования. Важно, что каждый параметр эпистемической ситуации «заполнен» в соответствии с «эпистемической волей» автора, т. е. под влиянием его познавательно-коммуникативной индивидуальности.

Понимание эпистемической ситуации в качестве модели привело Л. В. Кушнину к использованию этого термина в переводоведении (что особенно актуально в контексте глобализации научного знания), а также в практике перевода с французского языка на русский аннотаций к монографиям.

4. Трудности вхождения понятия эпистемической ситуации в научный оборот. С трудностью восприятия стилистического термина мы сталкиваемся нередко. Вот случай... В 1962 г. на заседании кафедры М. Н. Кожина (в то время доцент) аргументирует различия художественного и научного стилей парами терминированных понятий: «художественно-образная конкретизация – понятийная конкретизация» и «комплексная конкретизация – комплексная абстрактизация». И сейчас помню, как показалось тогда,

полное неприятие различий, лишь в современной стилистике совершенно ясных для специалиста и вполне доступных пониманию студента... А М. Н. Кожина и не думала «сдаваться» (как это важно в науке!), ее научное мышление было неостановимо, и в 1966 г. появилась монография «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики». Две главы книги специально посвящены описанию специфики важнейших – в научном и социальном отношениях – функциональных стилей. Тончайший анализ *конкретного* материала не может не убедить любого непредвзятого читателя в том, что специфика использования языка заключается именно в *качественно-функциональном* отношении, что должно составить предмет будущих стилистических исследований [Кожина 1966: 210]. При этом специфика речевых разновидностей, соотносимых с функциональными стилями, может быть *понята* «непременно при комплексном подходе» [там же: 10], значит, не только в пределах собственно лингвистики, но и в содружестве с другими, прежде всего смежными, науками. На мой взгляд, в этих словах заключен основной пафос-завещание проф. М. Н. Кожиной своим ученикам и последователям.

Завет Учителя (известно: мы не маугли, лишённые социального контекста) обусловил мою ориентацию на психологию научного творчества, что позволило пересмотреть и уточнить бытующее *в то время* мнение об «отсутствии индивидуализации» [Кожина 1968: 204] как свойства научного функционального стиля речи. Давало свои плоды и правило, усвоенное с первого курса филологического факультета. Приведу его в формулировке из той же статьи С. С. Аверинцева: «Слово и текст должны быть для настоящей филологии существенней, чем самая блистательная “концепция”» [Аверинцев 1969: 100]. Естественному ходу познавательного процесса присуще внимание не просто к мысли ученого (что является целью любого читателя), но к мысли, выраженной в тексте специально отобранными языковыми единицами (как? каким образом? почему именно такими? в чем проявилось, по С. С. Аверинцеву, «авторское своеволие»?). Как помнится, именно такое пристальное внимание к анализируемым текстам из трудов ученых в области гуманитарных и естественных наук привело к разработке концепции идиостилистики научной речи [Котуйрова, Тихомирова, Соловьева 2011]. Кстати, важно отметить, что данная концепция, несомненно, подтверждает жизнеспособность теории функциональной стилистики, возможность открывать и формулировать новые – с учетом развития как лингвистики, так и смежных наук (логики, психологии творческо-

го мышления, психолингвистики, социологии, социопсихолингвистики и других) – проблемы, ставить новые задачи и находить непростые решения. Это лишь один пример, свидетельствующий о реальной динамике научного знания, если оно соответствует общенаучным принципам его формирования, т. е. получения и оформления (см. об этом, например: [Комарова 2012]).

5. Прописные истины. Рассмотрим дискурсивные «ловушки», сопровождающие познавательно-коммуникативную деятельность исследователя, – познавательно-психологические и текстоцентрические. Эти моменты в разной степени переживает каждый исследователь, именно поэтому нам представляется возможным считать их *прописными истинами*. Мы остановимся на некоторых, связанных между собой лишь опосредованно – пределами дискурса познавательно-коммуникативной деятельности.

На основании многолетней исследовательской работы обратим внимание прежде всего на моменты не собственно лингвистические (ясно, что они различны), а неизбежные психологические. Из них «вечнозеленым», первично актуальным представляется *интерес* в качестве «чисто» психологической составляющей познавательной деятельности. Это, можно сказать, движущая сила творческой личности молодого ученого. Вот и **первая истина!** Я имею в виду отнюдь не только тот интерес, который как искра вспыхивает и неожиданно угасает, но главным образом устойчивый, стабильный познавательный интерес, освещающий всю деятельность ученого. Разумеется, в разных обстоятельствах может возникнуть интерес либо к самому предмету, т. е. «центру» познавательной деятельности, либо к «периферии», т. е. дискурсивному окружению предмета. Может быть, на основе ранее полученного знания (например, при частичном знакомстве с обширной литературой вопроса о творчестве А. С. Пушкина) или благодаря «познавательному любопытству», когда речь идет о совершенно незнакомом предмете / явлении. Кстати, интерес к предмету как научному понятию может совершенно отсутствовать, однако в процессе преодоления «познавательной неприязни» приходит вознаграждение – состояние исследователя, кажется, близкое к «интеллектуальной любви». Несомненно, иногда «привлекающую» роль играет увлеченность научного руководителя исследовательской деятельностью, его обаяние, харизматичность...

...Впрочем, здесь всё индивидуально. Однако самое главное состоит в том, что интерес, увлеченность охватывает именно познавательную деятельность, процесс мышления, саму мысль. Это условие осложняется проблемой соотноше-

ния мышления и речи, необходимостью придать мысли речевую форму.

В связи со сказанным обратим внимание на такую «мелочь» при порождении научного текста, как несовпадение мысли и речи. Известна сугубо психологическая трудность при написании текста, обусловленная «соблазном поспешности», который приходится преодолевать при развертывании «сгустка» мысли в линейную структуру. В процессе создания текста необходимо соблюдать прежде всего принцип *последовательности* описания тех или иных этапов исследования. Это **вторая истина**. Нельзя не учитывать мгновенность мысли, в отличие от линейной словесной процессуальности, протяженности ее текстового облачения. Познавательный и собственно речевой ритмы деятельности могут не совпадать, причем неполнота выражения мысли автору не мешает (ему «всё понятно»), для читателя же (всегда непредсказуемого) чрезвычайно важно, чтобы текст был доступен пониманию, а значит, должен быть «гармонично плотным», не страдающим ни «рыхлостью», ни «вязкостью» (см. о типах текста: [Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011]).

Подчеркнем, что автору важно учитывать *последовательность* как простейший принцип любой деятельности, трактуемый применительно к порождению текста в качестве психолингвистической характеристики познавательно-коммуникативного процесса. При когнитивно-эмоциональном напряжении познавательная активность нередко не сопровождается психолингвистической готовностью, поскольку, как известно, мысль опережает порождение речи / текста. При этом познавательное нетерпение в одних случаях обуславливает скачкообразное движение мысли, что приводит – в лучшем случае – к достаточно легко восполняемым лакунам, в других же нарушение последовательности мысли, пропуск обширного фрагмента рассуждения обуславливает «мучительное непонимание» текста читателем. Именно поэтому важно держать под контролем психолингвистическую сторону процесса, стремясь к созданию гармоничного текста, иначе говоря, помнить: автору понятно *всё*, читателю – *в целом*, а сугубо вдумчивый читатель, например редактор, «недоволен» *частностями*.

Предваряя рассмотрение материала, подчеркнем, что для иллюстрации наличия «лакун» в тексте необходимы достаточно пространственные фрагменты (в отличие, например, от чисто логических ошибок, легко выявляемых в минимальном контексте). Рассмотрим фрагмент текста:

Изучение экономической картины мира связано с рядом трудностей, напрямую связанных с характером экономического знания. Экономика,

с данной точки зрения, является «наукой на распутье»: с одной стороны, это «точная эмпирическая наука, опирающаяся на математический анализ и определяющая закономерности (законы, нормы) человеческого поведения при ведении хозяйства».

С другой стороны, вся история человека, на протяжении которой он ведет хозяйственную деятельность, исследует ее, отмечена «всплесками» и «спадами» активности и качественным изменением экономических реалий и самого экономического процесса. Недавние экономические потрясения убедительно доказали, что экономика не может быть сведена к математическим или статистическим расчетам и определенным точным закономерностям, так как в основе своей является социальной наукой и принципиально зависит от ценностных доминант культуры нации.

Автор интерпретирует (выражает субъективное мнение) явления объективной экономической картины мира, определяя трудности ее изучения, связанные с характером экономического знания. Ясно, что для успешной коммуникации необходима как теоретическая, так и эмпирическая компетенция автора и читателя – так называемое фоновое знание. Однако коммуниканты не могут обладать адекватным знанием. Этим обусловлена необходимость следовать *прописным истинам* текстообразования. «Пиком славы» научного текста является соответствие эталонному (хорошему) научному тексту. Модель «Качество эталонного текста» рассматривалась нами: [Котюрова, Баженова 2018; Котюрова 2012]. В реальных же научных текстах нередко наблюдается их несоответствие абстрактной модели, что приводит к различным погрешностям в тексте.

В приведенном отрывке обратим внимание на погрешности, связанные с нарушением последовательности в организации и выражении мысли автора:

1) в одном смысловом ряду использованы *метонимические значения* номинации *экономика*: ‘человеческое поведение при ведении хозяйства’ и ‘экономический процесс’, ‘экономические реалии’ и ‘точная эмпирическая наука’. Отсюда возникает «лакуна», требующая пояснения значений слова *экономика* в данном контексте;

2) противопоставление «с одной стороны – с другой стороны» содержательно непрозрачно, неясно для читателя, поскольку опущено выражение основания сопоставления: а) точная наука – в подтексте: *неточная наука*, б) эмпирическая наука – в подтексте: *теоретическая наука*; в) опирается на математический анализ – в подтексте: *не опирается* на математический анализ;

3) «интрига» противопоставления опирающаяся на математический анализ (в подтексте: может опираться) – не может быть сведена к математическим расчетам оказывается по существу «сдвинутой», поскольку употреблены семантически не противопоставленные выражения, обозначающие в данном контексте методологически нагруженные понятия, *опираться на математический анализ – быть сведенной к математическим расчетам*;

4) не учтены различия общеупотребительных значений слов и значений слов широкой семантики типа *анализ, подход, доказывать, статический и динамический аспекты изучения* экономической картины мира.

Необходимо отметить, что «поспешность» автора, приводящая к алогизмам, лакунам, ассоциативным отступлениям и т. д., не просто мешает восприятию «частного» содержания, но разрушает необходимую целостность сообщаемых положений (даже если целостность в общем достигнута).

Третья истина соотносится с одним из важнейших компонентов формируемой эпистемической ситуации – *оценкой* излагаемого научного знания. При его создании автор неизбежно должен формировать *эпистемическую* (научно-познавательную) *ситуацию* как смысловое единство таких компонентов, как: а) воспринятое из трудов предшественников исходное понятие, не определяемое в данном тексте; б) основное понятие, введенное автором и развиваемое им в тексте; в) уточняющие понятия, непосредственно относящиеся к основному терминированному понятию. Здесь каждый автор сталкивается с необходимостью решать технологическую задачу – как ввести предлагаемое терминированное понятие. Кажется, ясно, что необходимо дать определение этого понятия. Однако не случайно в науковедении и функциональной стилистике рассматриваются различные приемы введения научного понятия в текст, причем не только посредством определения, но и через описание. Значит, не всегда возможно дать определение, особенно дефиницию, т. е. отнести к общему и охарактеризовать частные свойства предмета / явления. Пример из науковедения: широко известно терминированное понятие *пушистое множество*, не имеющее общепринятого определения. [Нечеткое множество (иногда размытое, расплывчатое, туманное, пушистое) – понятие, введенное Лотфи Заде в 1965 г. в статье «Fuzzy Sets».] Л. Заде расширил классическое канторовское понятие множества, допустив, что характеристическая функция (функция принадлежности элемента множеству) может принимать любые значения в интервале 0,1, а не только значения 0

или 1. Является базовым понятием нечеткой логики [Заде, Лотфи]. На основании, конечно, не только этого, но и многих других терминов, не получивших строгого определения в науке на современном этапе ее развития, мы и говорим о мягкой **оценке** изложенного в той или иной статье научного знания – знания, динамичного в процессе и получения, и оформления, и постоянного развития.

«Дискурсивная ловушка» здесь связана с психологией мышления и речи, а именно со степенью категоричности выражения оценки. Мы приходим к выводу о необходимости мягкой оценки эпистемической ситуации – оценки, предполагающей единство узкого и широкого взгляда на научный текст. Уточним, что здесь речь идет не о снисходительности к автору или осуществленному исследованию, а о совмещении узкого и широкого взгляда на текст научного произведения.

Узкий взгляд мы соотносим с оценкой *от адресанта*, которому «всё понятно», который организует содержание текста в соответствии со своей познавательной компетенцией, методологической установкой, психолингвистической готовностью к порождению текста. При этом автор нередко допускает погрешности в виде «лакун» либо «топтания» вокруг не основных, а уточняющих понятий, тем самым допуская неполноту, скачкообразное движение мысли, нелогичность или перегружая текст избыточной информацией, делая «вязким», что определенно затрудняет его восприятие читателем. Такой взгляд на текст опирается на индуктивный путь познания – движение от частного к общему.

Широкий взгляд на научный текст мы соотносим с оценкой *от адресата*, который не ограничен рамками эксплицированного, т. е. «видимого», текста – текста вне дискурсивной установки. В таком случае автор (и читатель) неизбежно стремится организовать движение своей мысли, учитывая представление не только о формально-логических требованиях к речи, но и об *эталонном* академическом тексте, его модели, абстрактной схеме концепции: идея – гипотеза – аргументы (теоретические и эмпирические) – обобщения – выводы. Действительно, такой подход к оценке научного текста вполне можно считать широким (дедуктивным), поскольку он основывается не на реальном процессе получения нового знания, а на общем представлении о некоем абстрактном (идеальном) тексте, мифе, ожидании, мечте о нем. Вместе с тем только широкий (вне связи с узким) взгляд на текст при его оценке можно считать ограниченным. В статье об эффективности научных текстов проф. О. Б. Сиротина совершенно справедливо пи-

шет: «Лингвисту необходимо помнить, что дедукция в отношении исследования речи **очень опасна**: всегда (или во всяком случае нередко) можно найти в безбрежном океане речи какие-то случайные ее факты в подтверждение своей на самом деле неоправдавшейся гипотезы» [Сиротина 2019: 266]. Оценка реального содержания научного текста, несомненно, должна объединять узкий и широкий взгляд на текст, иначе говоря, основываться на когнитивно-дискурсивно-стилистическом подходе к научному тексту. Значит, соответствовать мягкому – индуктивно-дедуктивному – оценочному принципу, управляющему и порождением, и восприятием научного, особенно теоретического, текста как уникального коммуникативного феномена. Подчеркнем: уникального, а не универсального.

Для подтверждения такого обобщения обратимся к жанру статьи – наиболее распространенному, типичному в научной сфере коммуникации. Здесь нельзя обойти такой сильнодействующий социальный фактор, как глобализация. Это один из важнейших факторов развития научного знания. В свою очередь, это основополагающее положение является **дедуктивным**, т. е. общим для научного мышления, научного творчества, динамики научного знания в целом. Поэтому, на наш взгляд, отнюдь не в каждой из 16–18 разновидностей статей, известных в стилистике научной речи, необходимо актуализировать, следуя инструкции, такие общие параметры, как актуальность, теоретическая и практическая значимость, новизна по отношению к зарубежным исследованиям. Не случайно эти параметры описываются стереотипно, как бы «под копирку», не удивляя читателя «неожиданной» информацией. В то же время механическая борьба с плагиатом, распространяемая на «автоплагиат», сопровождается избыточным запретом на цитирование концептуально важных положений, разработанных автором ранее. Без такого выдвигания (посредством повторения) ценная как для общего фонда научного знания, так и для научного социума статья может оказаться невостребованной (см. об этом: [Котюрова, Кушникова 2015]).

Размышляя о прописных истинах для молодого исследователя научного текста (и не только научного, что естественно для речеведения), приходим к следующему обобщению. Функциональный подход к изучению текста, конкретизированный в качестве когнитивно-дискурсивно-стилистического, может быть осуществлен благодаря применению и развитию терминированного понятия «эпистемическая ситуация», которое может выполнять разные функции: 1) *фоновое понятие* о познавательном пространстве; 2) *модель* смысловой структуры целого научного

текста, а также фрагмента не только основного текста (дефиниции, описания понятий, обобщения, выводы и др.), но и фрагмента, представляющего собой периферийный текст (заголовок, оглавление, аннотацию и др.); 3) *единица* смысловой структуры научного текста. Такое наполнение содержания терминированного понятия «эпистемическая ситуация» способствует формированию голографического представления о микро- и макроструктуре научного текста, значит, возможности его изучения «с любой точки отсчета».

Завершая рассуждение о «дискурсивных ловушках» речеведения, пожелаю молодому исследователю поддаться очарованию научным познанием, научной мыслью, зафиксированной в тексте, и прорываться в эпистемическое пространство, чтобы внести посильный вклад в изучение неисчерпаемой проблематики научного текста.

Список литературы

- Аверинцев С. С. Похвальное слово филологии // Юность. 1969. № 1. С. 98–102.
- Баженова Е. А. Дискурсивно-стилистический подход к изучению научного текста // Стилистика–XIV. 2005. С. 317–334.
- Баженова Е. А. Аксиологическое пространство научного текста // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. междунар. науч. конф. (15–17 окт. 2019 г.). Екатеринбург: Изд. дом «Азур». 2019. С. 13–14.
- Виноградов В. В. Предисловие к книге А. И. Ефимова «Стилистика русского языка». М.: Просвещение, 1969. С. 3–10.
- Гайда Ст. Что есть стиль? // Стереотипность и творчество в тексте / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2010. Вып. 14. С. 99–102.
- Данилевская Н. В. Роль оценки в механизмах развертывания научного текста / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. 380 с.
- Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1976. 166 с.
- Заде Л. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 27.06.2019).
- Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1966. 213 с.
- Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. / Перм. ун-т. Пермь, 1972. 395 с.
- Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
- Котюрова М. П. Когнитивно-функционально-стилистический подход к культуре письменной

речи // Стереотипность и творчество в тексте / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. Вып. 9. С. 120–127.

Котюрова М. П. О выражении субъекта знания в научной речи (на материале русского языка) // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1986. С. 73–85.

Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование. М.: Флинта, 2018. 280 с.

Котюрова М. П., Кушникова Л. В. О девальвации и (не)востребованности научного знания // Стереотипность и творчество в тексте / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. Вып. 19. С. 69–82.

Котюрова М. П., Тихомирова Л. С., Соловьева Н. В. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2011. 394 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1987. 797 с.

Сиротинина О. Б. Есть ли специфика в достижении эффективности научных текстов? // Филология в XXI веке. 2019. Спецвыпуск. С. 264–270.

References

Averintsev S. S. Pokhval'noe slovo filologii [The word of praise to philology]. *Yunost'* [Youth], 1969, issue 1, pp. 98–102. (In Russ.)

Bazhenova E. A. Diskursivno-stilisticheskiy podkhod k izucheniyu nauchnogo teksta [Discourse-stylistic approach to studying scientific text]. *Stilistika-XIV* [Stylistics-XIV], 2005, pp. 317–334. (In Russ.)

Bazhenova E. A. Aksiologicheskoe prostranstvo nauchnogo teksta [Axiological space of scientific text]. *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy: Tezisy dokladov mezhdunar. nauch. konf. (15–17 oktyabrya 2019 g.)* [Axiological aspects of modern philological research: Proceedings of an international scientific conference (October 15–17, 2019)]. Yekaterinburg, AZUR Publ., 2019, pp. 13–14. (In Russ.)

Vinogradov V. V. Predislovie k knige A. I. Efimova 'Stilistika russkogo yazyka' [Preface to the book 'Russian stylistics' by A. I. Efimov]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1969, pp. 3–10. (In Russ.)

Gaida St. Chto est' stil'? [What is the style?]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and creativity of the text]. Perm, Perm State University Press, 2010, issue 14, pp. 99–102. (In Russ.)

Danilevskaya N. V. Rol' otsenki v mekhanizmax razvertyvaniya nauchnogo teksta [The role of evaluation in deployment mechanisms of scientific text]. Perm, Perm State University Press, 2005. 380 p. (In Russ.)

Zadeh L. Ponyatie lingvisticheskoy peremennoy i ego primeneniye k prinyatiyu priblizhennykh resheniy

[The concept of a linguistic variable and its application to approximate reasoning]. Moscow, Mir Publ., 1976. 166 p. (In Russ.)

Zadeh Lotfi. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed 27.06.2019). (In Russ.)

Kozhina M. N. O spetsifike khudozhestvennoy i nauchnoy rechi v aspekte funktsional'noy stilistiki [On the specific features of artistic and scientific speech in terms of functional stylistics]. Perm, Perm State University Press, 1966. 213 p. (In Russ.)

Kozhina M. N. O rechevoy sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotorymi drugimi [On the speech systemic nature of the scientific style in comparison with some others]. Perm, Perm State University Press, 1972. 395 p. (In Russ.)

Komarova Z. I. Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike [Methodology, method, techniques and technology of scientific linguistic studies]. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2012. 818 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. Kognitivno-funktsional'no-stilisticheskiy podkhod k kul'ture pis'mennoy rechi [Cognitive-functional-stylistic approach to written speech culture]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and creativity of the text]. Perm, Perm State University Press, 2005, issue 9, pp. 120–127. (In Russ.)

Kotyurova M. P. O vyrazhenii sub'ekta znaniya v nauchnoy rechi (na materiale russkogo yazyka) [Knowledge subject representation in scientific speech (a case study of the Russian language)]. *Obshchie i chastnye problemy funktsional'nykh stiley* [General and particular issues of functional styles]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 73–85. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. Kul'tura nauchnoy rechi: tekst i ego redaktirovaniye [Culture of scientific speech: text and its editing]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 279 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Kushnina L. V. O deval'vatsii i (ne)vostrebovanosti nauchnogo znaniya [On the devaluation and slack demand for scientific knowledge]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and creativity of the text]. Perm, Perm State University Press, 2015, issue 19, pp. 69–82. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Tikhomirova L. S., Solov'eva N. V. Idiostilistika nauchnoy rechi. Nashi predstavleniya o rechevoy individual'nosti uchenogo [Idiostylistics of scientific speech. Our ideas about a scientist's speech individuality]. Perm, Perm State University Press, 2011. 394 p. (In Russ.)

Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [The Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1987. 797 p. (In Russ.)

Sirotinina O. B. Est' li spetsifika v dostizhenii effektivnosti nauchnykh tekstov? [Are there any specific features in achieving the effectiveness of scientific text?] *Filologiya v 21 veke* [Philology in the 21st century], 2019, special issue, pp. 264–270. (In Russ.)

DISCOURSE 'TRAPS' OR TRUISMS OF STYLISTICS

Maria P. Kotyurova

Professor in the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. kotyurova@yandex.ru

SPIN-code: 1625-0504

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5418-726X>

ResearcherID: N-9344-2017

Submitted 19.11.2019

The article discusses conditions of productive research in stylistics of scientific text that may be considered truisms for young scientists. In the first place, it is an interest in scientific thinking as a psychological factor for successful learning; the role of this interest is represented in the paper in the framework of discourse context of research. A particular attention is paid to representation of text content – scientific knowledge, which is considered to be an epistemic situation covering the ontological essence of reality under research, methodological aspects of accomplished results, axiological aspects of knowledge in terms of its relevance and reliability in a broader epistemic context. The notion of epistemic situation is used as a model in two cases: 1) concerning the whole scientific knowledge, 2) concerning the actual scientific knowledge presented in a text. The significance of methodological aspects of epistemic situation is primarily associated with the general approach to a research object, namely the cognitive-discourse-stylistic approach to scientific text. The ontological essence of epistemic situation is represented in scientific text as a complex of terminological notions – initial, basic, and specializing ones. These notions form an information density of a text. The axiological aspects are represented as a mild approach to assessing epistemic situation. This approach implies combination of a narrow and a broad view on text formation and perception.

Key words: scientific text; cognitive interest; cognitive-discourse-stylistic approach to text; epistemic situation as a sense unit of text; mild assessment of scientific text content.